

К Р О К О Д И Л

№ 2 ЯНВАРЬ

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ „ПРАВДА“

МОСКВА 1938

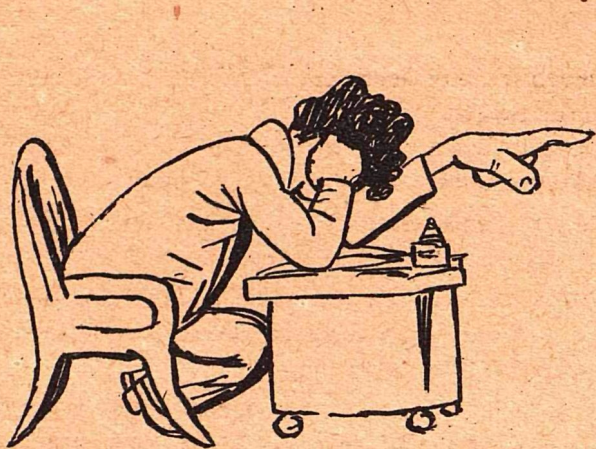
К 556/38 г.

Рис. Л. Бродаты

НА ЕВРОПЕЙСКОМ ДВОРЕ

ФАШИСТСКАЯ ЛИСА: — Я скоро дам ответ, сэр, — только зайду в курятник и обдумаю ваше предложение.

ЗАКОЛДОВАННЫЙ КРУГ

Носясь три дня по белу свету,
Не отдохнув и не присев,
Сотрудник наш провел анкету
«Кто тормозит весенний сев?»

В пределах одного района
Он опросил инстанций ряд.
И мы даем вам сокращенный
Анкеты оной результат.

Директор МТС клянется:
Готово все. Начать бора б, —
Но за весенний сев бороться
Ему мешает Сельхозснаб.

Из яркой речи Сельхозснаба
Всем ясно, что такой конфуз
Не получился бы, когда бы
Не проморгал Потребсоюз.

Потребсоюз весьма логично
Нам доказал, что он радел,
Что у него все шло отлично,
Но проворонил Земодел.

Ложь! В Земоделе все прекрасно,
И весь архив его набит
Бумагами, из коих ясно,
Что главный тормоз — Гутапсбыт.

Но Гутапсбыт, готовый к бою
И закаленный, словно сталь,
Клянется, что всему виною
Главатотрактородеталь.

В Главатотрактородетали
Нам заявили наотрез:
«Все дело за директорами
Как МТМ, так МТС».

При этом замыканье круга,
Друг друга взором истреби.
Все вновь кивают друг на друга
И хаят всех, кроме себя.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Отнюдь не в качестве морали,
А просто, как мы есть печать,
Вопрос мы ставим:

Не пора ли
Начать за дело отвечать?

Н. АДУЕВ

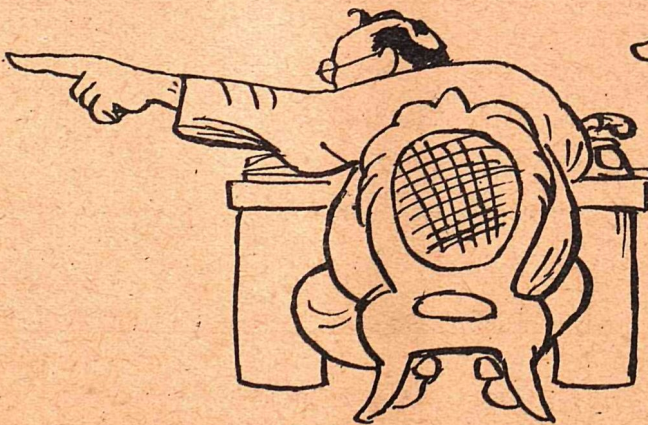
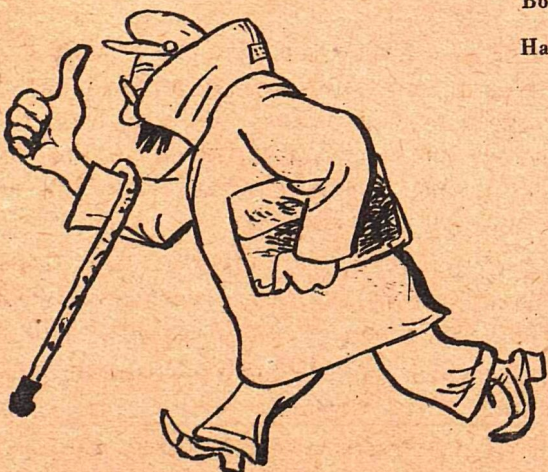
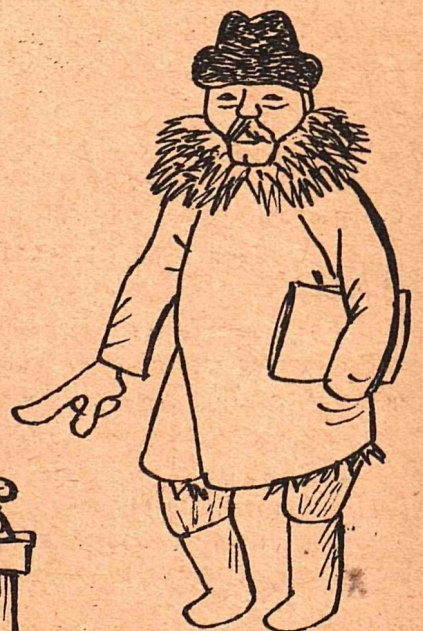

Рис. Л. Генча

138.

Рекомендация

Мой дядя считает себя передовым человеком, культурным. Он любит почитать по вечерам, легко решает все кроссворды, тете говорит «Вы», после обеда ковыряет в зубах не какой-нибудь обломанной спичкой, а гусиной зубочисткой...

Моего отца — брата дяди — убили в гражданскую войну белые. Мне было тогда лет десять, не более. Дядя меня взял к себе на воспитание. Я рос у дяди. К этому времени он вступил в партию. Образ жизни его мало изменился, революционной от этого он не стал. Единственное — реже бывал дома, и в свою очередь нередко вставлял: «Мы коммунисты... Мы партийцы...» Все чистки дядя прошел благополучно. Он и сейчас с удовольствием вспоминает об этом времени. Но бедные слушатели: каково это им было два с лишним часа выслушивать скучнейшую биографию дяди. Более скучной биографии я не знаю. Рассказывать о себе — это его стихия. Память на всякие мелочи, касающиеся его собственной биографии, у него великолепная. Он помнит и когда он болел коклюшем, и когда его «схватил страшный колит», и сколько ему было лет, когда он впервые почувствовал себя атеистом, и что он при этом переживал и т. д., и т. д.

Дядя работает экономистом. Работник он неплохой. Ежегодно они с тетей отдыхают в Кисловодске.

Ко мне дядя относится назидательно. В каждый выходной он навещает меня, интересуется, что я читаю, с кем дружу. Он рад моим успехам.

«Моя обязанность, — говорит дядя, — следить за тобой. Это мой долг коммуниста и брата твоего отца». И тут же он начинает рассказывать о моем отце, но главным образом это касается его самого. Я узнаю в сотый раз, каким он был нервным, впечатлительным мальчиком, как он прочел на вечере в гимназии «Верь, настанет пора и исчезнет Ваал», как он дерзил директору и что он с детства питал любовь к рабочему классу. Заканчивает он свое повествование несколько слезливо: «Как был бы счастлив Леня (так звали моего отца) доживи он до сегодняшнего дня, когда его сын стал взрослым, полезным работником, сознательным коммунистом...

— Все же то, что ты вырос в человека с большой буквы, в человека-коммуниста, есть и моя доля вины, — обращается он ко мне.

— Ну, конечно, дядя, — говорю я. — Между прочим, мне потребуется ваша рекомендация. Я собираюсь переходить из кандидатов в члены партии.

— А зачем тебе рекомендация? — спросил он несколько тревожно.

— Ну, как зачем?! При переходе из кандидатов в члены партии требуются рекомендации. Четыре рекомендации у меня есть, а пятую возьму у вас.

— Какая самоуверенность. А вдруг я тебе не дам?

— Почему же вы мне не дадите? — удивился я.

— А кто тебя знает?

— Вы меня знаете. С десятилетнего возраста знаете.

— Чужая душа — потемки, — сказал он, поковыривая в зубах.

Меня это взбесило.

— Хорош же вы коммунист! Знаете человека с детства и все еще в нем не уверены.

— Давай не ссориться, — заметил дядя. — А если хочешь ссориться, — пожалуйста. Не возражаю. — И он собрался уйти.

Я бы, конечно, больше к нему не обращался за рекомендацией, но необходимость заставила.

Я пришел к нему вечером.

— Здравствуйте.

— Здравствуйте... Ну, что скажешь?

— Рекомендацию, — произнес, я волнуясь.

— Какую рекомендацию? — спросил он, точно свалился с неба.

— Дядя, — сказал я как можно убедительней. — Вы меня знаете с детства. Вся жизнь мою знаете. Мне нужна рекомендация и вы мне ее дадите.

— Я принципиально никому не даю рекомендаций. Зачем мне давать рекомендации, а потом иметь неприятности.

— Вы рассуждаете как обыватель. Вы боитесь.

— Если вы хотите со мной ссориться, — пожалуйста, — применил он свой старый способ. — Не возражаю.

— Я не желаю с вами ссориться... Почему вы мне не хотите дать рекомендации?

— А если я тебе не доверяю? Ишь, какой!

— Если вы мне не доверяете, если у вас есть факты, которые меня могут опорочить как члена партии, вы обязаны сообщить в мою парторганизацию... Вы же мной гордились. Вы же мне об этом много раз говорили.

— Вот, пристал... А ты возьми еще у кого-нибудь. Зачем тебе меня беспокоить?

— Вы типичное: ни рыба, ни мясо, — сказал я в сердцах.

— После этого нам не о чем с тобой разговаривать, — сказал дядя и повернулся спиной ко мне. (Он лежал на диване.)

— Хорошо, — сказал я, как можно громче. — Завтра же иду в вашу парторганизацию и там я обо всем расскажу. Человек знает всю мою подноготную. Прекрасно знает, где я работаю и как я работаю. И что же, оказывается, он знает что-то такое про меня, что не дает возможности рекомендовать меня в партию. Вместо того чтобы вскрыть, он это просто скрывает... Я доведу это до конца! Сейчас уже дело не в рекомендации, а в вас, дядя.

— Ой, замучил, — застонал дядя.

В комнату вбежала тетя.

— Зачем ты его мучаешь? — спросила она тревожно.

— Никто его не мучает, — заметил я.

— Мучает! Мучает! Мучает! — закричал дядя, пряча голову под подушку.

— Вот видишь, до какого состояния ты его довел, — сказала с укоризной тетя.

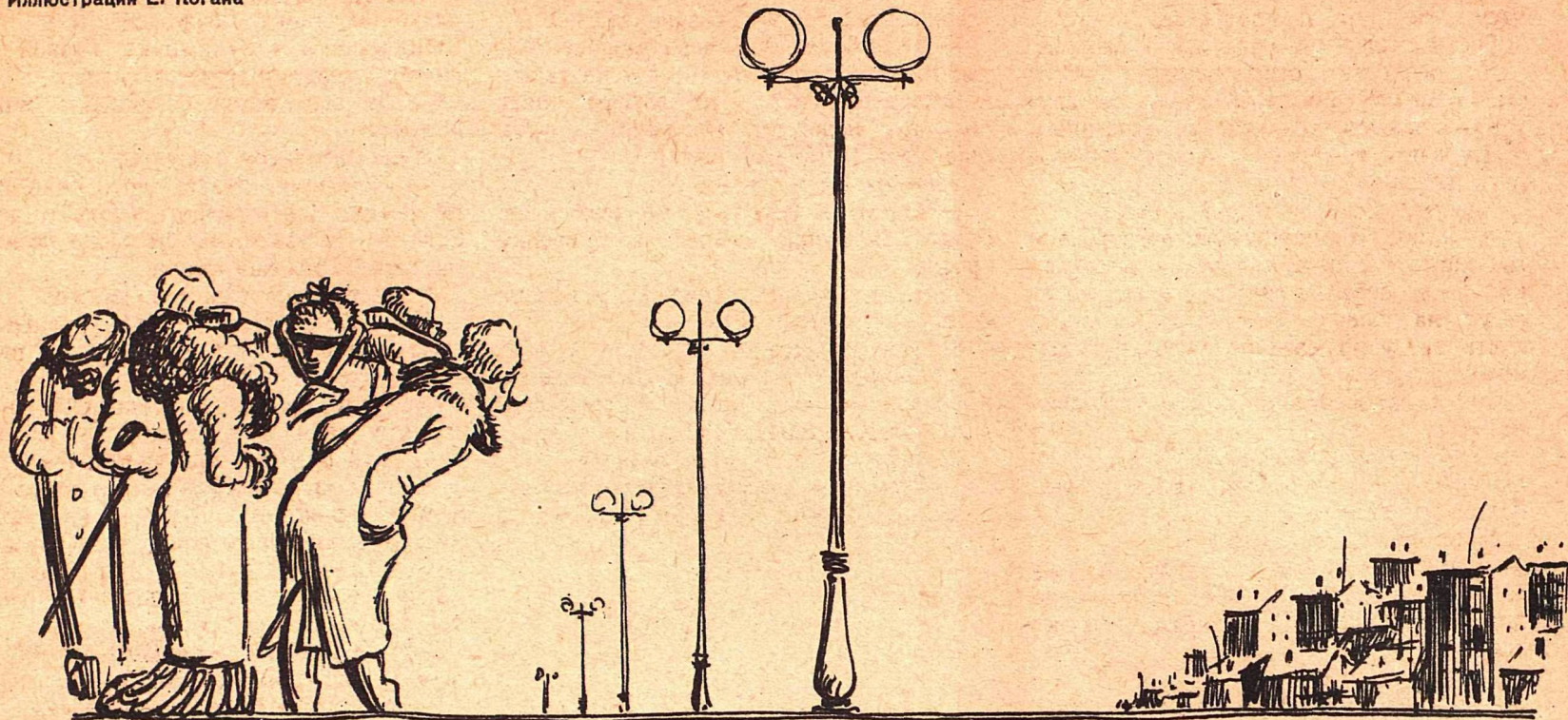
Я ушел. А через несколько дней мы встретились с дядей в его парторганизации. Я уже не нуждался в дядиной рекомендации. На парткоме прочли мое заявление, в котором я обвинял дядю в обывательщине и трусости. Дяде сделали замечание. Он все это выслушал покорно и молчаливо. Мы вместе с ним покинули партком.

— Ах, — сказал он, когда мы очутились за дверью. — Зачем тебе это понадобилось? До этого дня я никаких замечаний не имел. Был на хорошем счету. Жил спокойно.

— Вы могли бы жить еще спокойней, — заметил я, — если бы вообще отказались от партбилета.

— Если ты хочешь ссориться... — начал дядя. Но вдруг посмотрел на меня умоляющим взглядом и попросил: — милый, давай больше не ссориться. Не мучь меня. Я ни с кем не хочу ссориться, — произнес он слезливо.

Н. КОРОБКОВ

ПОХВАЛА ТРАНСПОРТУ

Давеча я был в гостях у одного знакомого инженера.

А этот инженер тем отличался от многих других инженеров, что он имел свой автомобиль марки «Газ».

Не знаю, как на других людей действует собственный автомобиль, а на этого моего знакомого получение автомобиля подействовало удручающим образом.

До этого он был милый человек и у него было довольно интересно бывать в гостях. А теперь он все равно как переродился. Все мысли его теперь витали вокруг автомобильной промышленности. И ни о чем другом, кроме как об этом, он теперь не говорил.

И тот гость, который имел нахальство коснуться чего-нибудь другого, наносил этим хозяину личное оскорбление.

В общем, часов до трех промаявшись с разговорами об особенностях той или иной автомобильной марки, гости стали собираться, чтоб идти по домам.

Хозяин, мило улыбаясь, сказал:

— Находясь в другом месте, вы, дорогие гости, затрюхали бы по домам пешочком или, как говорится, поехали бы на своем одиннадцатом номере. А от меня вы все поедете автомобилем. Как вам, собственно говоря, это нравится?

Гости выразили восхищение.

Хозяин сказал:

— Не знаю, как вы, но я буквально чувствую себя отдельной человеческой единицей, вокруг которой вращаются все миры... Вот сейчас я позвоню моему шоферу и велю ему подать к подъезду мой автомобиль.

Хозяин пошел к телефону и стал звонить. Потом, вернувшись к гостям, сказал вздохнувши:

— Сейчас автомобиль будет подан... Единственное, знаете, неудобство — это то, что наш гараж в одном районе, мы — в другом, а шофер, представьте себе, живет за Невской заставой. Но я велел моему шоферу срочно добраться до гаража. Тем более, он живет не так уж далеко: минут 15—20 идти пешком.

Жена инженера говорит:

— Ах, Коля, жаль, что ты не приказал шоферу взять такси. Он бы взял такси и мигом доехал до гаража.

— Ах да, в самом деле, — сказал хозяин просяив, — я всякий раз забываю об этом удобстве. Сейчас я позвоню шоферу, он, наверно, еще не ушел.

Шофер действительно еще не ушел. И хозяин велел ему взять такси, чтоб поскорей добраться до гаража.

Один из гостей говорит:

— Послушайте, но, может быть, нам попросту доехать на этом такси, которое возьмет шофер?

Эта мысль удивила и даже несколько испугала хозяина. Он сказал:

— Ну что вы: иметь свой автомобиль и ехать в такси. Нет, я вас до этого не допущу.

Мы стали ждать.

Минут через двадцать раздался телефонный звонок. Это позвонил шофер.

Не знаю, что именно он доложил, но хозяин, обернувшись к нам, сконфуженно сказал:

— Шофер говорит, что он не может

такси найти. Он дошел, представьте себе, до вокзала, нашел одно такси, но оно не берется ехать: ему не по пути. Сейчас я велю моему шоферу дойти пешком до центра и там взять такси.

Один из гостей полувопросительно говорит:

— А может, нам в самом деле поехать в такси, которое достанет сейчас шофер?

— Это идея, — говорит хозяин. — Сейчас я велю моему шоферу подехать на такси сюда. А отсюда такси мигом доставит вас к гаражу. А уж там, будьте покойны... Нам только бы добраться до гаража.

Отдав соответствующее распоряжение шоферу, хозяин начал беседовать с гостями вообще о пользе транспорта.

Минут через двадцать такси стояло у подъезда.

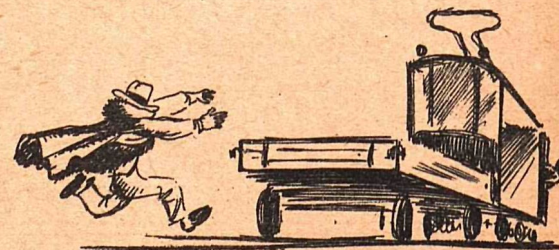
Гости и хозяйка вышли на улицу.

Один из гостей, вздохнув, говорит:

— В сущности говоря, как-то даже обидно: иметь под рукой такси и вместе с тем ехать к чорту на кулички. Ей богу, давайте сядем и поедим домой в этом такси. Так было бы славно очутиться сейчас дома. А тут — извольте ехать к гаражу.

Хозяин тихо говорит:

— Нет, я прошу вас... Теперь уж это неудобно... Все-таки, я разбудил

шофера. Он шлялся по улицам больше часу... Нет уж, я прошу вас поехать.

Гости стали размещаться в машине. Но поскольку одно законное место было занято шофером такси, а другое — шофером хозяина, то оставалось всего лишь три места. А гостей было пять человек.

Хозяин, сосчитав гостей, говорит:

— Жаль, что мой шофер не захватил два такси. А теперь я уж и не знаю, как быть. Давайте так: пусть три гостя сядут на заднее сиденье, а два гостя пусть тут у под'езда подождут мою машину...

Гости сконфуженно молчали. Хозяин говорит:

— Или нет. Давайте так: один гость и шофер подождут у под'езда, а остальные пусть себе едут к гаражу.

Жена инженера говорит:

— Нет так ничего не выйдет, потому что нашу машину некому будет сюда привезти. И те и другие будут только напрасно ждать.

Хозяин говорит:

— Правильно. Как жаль, что у нас пять гостей, а не трое. С троими мы бы в один миг управились... Давайте тогда так: трое пусть поедут, а шофер и один гость пусть себе понемножку идут пешком вслед за ними.

Один из гостей, испугавшись, что его пошлют пешком, незаметно, и, как говорится, по-английски, смысля.

Осталось четыре гостя.

Подсчитав гостей, хозяин сказал:

— Теперь легче. Теперь давайте так: три гостя и шофер пусть едут на такси. А четвертый гость — на выбор: хочет он — тут подождет, не хочет — пусть себе идет к гаражу пешком.

Один из гостей говорит:

— Смотрите: грузовой трамвай идет. Привет! Я лучше сейчас на прицепку прыгну.

Гость вскочил на прицепку и вскоре исчез в туманной дали.

Хозяин говорит:

— Он не хотел подождать машины, пусть сам на себя пеняет. Рассаживайтесь теперь и поезжайте с богом.

Шофер уныло говорит хозяину:

— Только не забудьте, Николай Петрович, дать мне денег расплатиться с

такси. Да еще за утреннее такси я заплатил из своих 12 рублей.

Порывшись в бумажнике, хозяин дал шоферу денег и грустно сказал:

— Да это такси вскакивает мне в копейку.

Жена инженера говорит:

— По-моему, такси тебе обходится не меньше, как тридцать рублей в день. Если бы не такси, мы бы давно поменяли наш «Газ» на «М-1».

Наконец, мы тронулись в путь.

По дороге гости стали упрашивать шофера развести их по домам, не заезжая в гараж.

Хозяинский шофер неожиданно согласился и даже обрадовался. Он сказал:

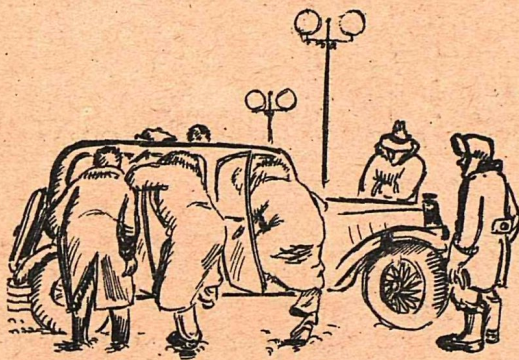
— Это будет самое правильное. А то у меня был такой случай: я отвез гостей в гараж, да там мы и промаялись часа полтора. Пока охрану разбудили, да пока заправил, да пока пятое-десятое, глядим: уже трамвай пошли. Все гости так и поехали на трамвае.

Вот такси стало развозить нас по домам, а хозяинский шофер говорит:

— Единственно, я теперь боюсь, что мне с такси расплатиться не хватит. Все-таки большой крюк делаем и стоянка...

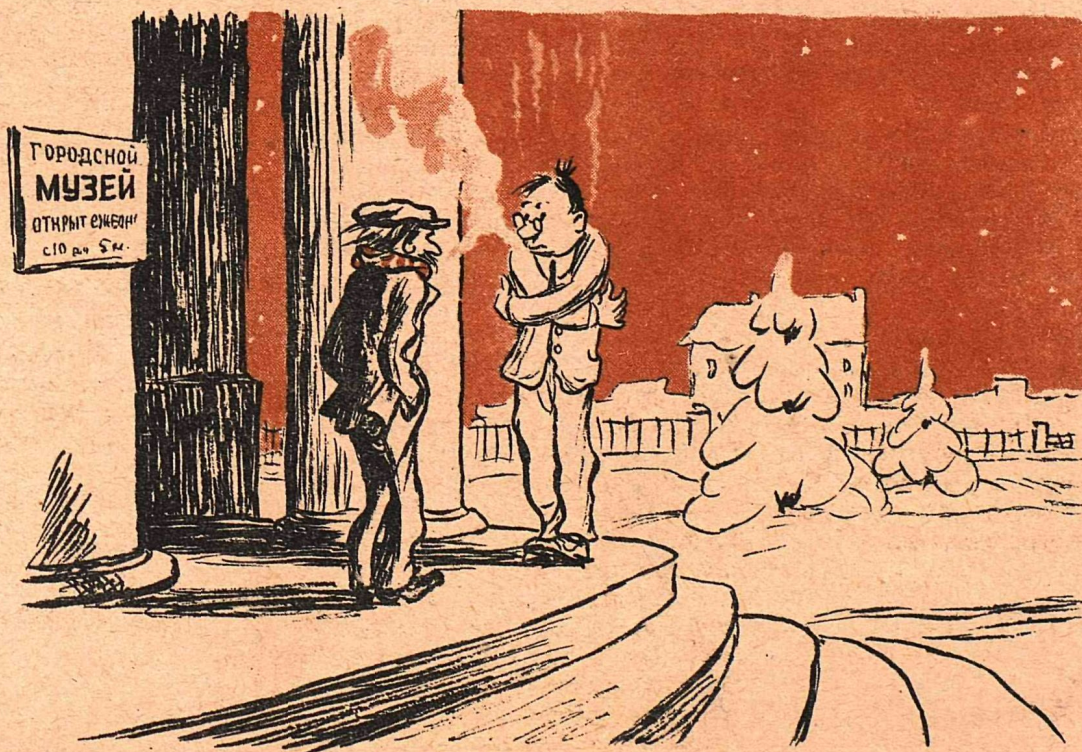
Мы дали шоферу по пять рублей, и он нам сказал, что теперь, пожалуй, хватит, а в крайнем случае он до Невской заставы доберется пешком.

МИХ. ЗОЩЕНКО

ИЗ ДВУХ ЗОЛ — МЕНЬШЕЕ

Рис. И. Семенова

— Что вы здесь делаете?

— У вас так холодно в музее, что я выскочил сюда погреться!

РАССКАЗ О КОШКАХ И О ПЕЧКЕ

«Любви все возрасты покорны», — сказал поэт.

Но тот же поэт ни словом не обмолвился о том, что не только любви, но и разводу все возрасты покорны.

Отсутствие на этот счет авторитетных указаний в художественной литературе ставит нас в весьма затруднительное положение. И не только нас. Но и многие, весьма серьезные и уважаемые судебные учреждения.

Гражданка Лидия Николаевна Бурова, проживающая в городе Москве, по Спиридоньевской улице, дом № 9, решила развестись со своим мужем.

Прожила она с гражданином Буровым душа в душу несколько десятков лет. Любила его и лелеяла. И вдруг наднях почувствовала, что не «сошлись характерами». Что напрасно она ради этого человека свою молодость сгубила.

Тем более, что гражданин Буров гораздо старше своей супруги. Супруге вот-вот исполнится 70 (семьдесят) лет. А супругу уже стукнуло 71 (семьдесят один) год. Так что разница в возрасте не могла не отразиться на этой семейной драме... Но все-таки драмы не получается. Начали супруги Буровы сочинять драму, а получилась комедия.

Вся история с разводом выдумана для того, чтоб досадить своим соседям Бляхерам. Для этой цели почтенная Лидия Николаевна пыталась даже объявить себя сумасшедшей. Ходила даже в психиатрическую больницу, где просила выдать ей справку, что у нее «мозги болят».

Но ни с разводом, ни с мозгами дело не выгорело. Неугомонное божье создание все же не унимается, и вот уже в течение двух лет Бляхерам нет от нее житья.

Все дело в том, что и развод и мозги потребовались милой старушке для того, чтоб выселить Бляхеров из занимаемой ими комнаты. И чтоб она, Бурова, заняла освобожденную таким образом жилплощадь.

Видите ли, она разводится с мужем и нуждается в отдельной комнате. Не может же она в самом деле проживать вместе с посторонним мужчиной!..

«Ах, так? С разводом не вышло?» Но у нее «болят мозги», она бросается на людей, она буйно помешанная и должна жить отдельно.

«Ах, так? И это не вышло? Все равно я этих Бляхеров доканаю. Они у меня походят по судам».

И Бляхеры ходят по судам. Вот уж два года, как Бляхеры являются постоянными посетителями судов.

Вот уж два года, как суд занимается Лидией Николаевной, ее кошками и собачками.

Указанные мелкие домашние животные играют главную роль в этой комедии.

Обстоятельства дела таковы: в недалеком прошлом комнате, в которой теперь живут и страдают Бляхеры, занимало кошачье и собачье стадо гражданки Буровой.

Судя по официальному акту, подписанному членом Октябрьского районного совета, это стадо было не маленькое.

«По показаниям жильцов квартиры, — говорится в акте, — к моменту переезда Бляхер комната была занята несколькими десятками кошек (до 40 штук) в течение нескольких лет подряд, так что фактически Бляхер потеснили лишь кошек...»

Теперь кошачье поголовье гражданки Буровой значительно сократилось. Тем не менее старушка желает создать для своих кошек более благоприятные условия и поэтому таскает своих родственников и соседей Бляхер по судам.

Во всей этой истории, по совести говоря, нас занимает не Бляхер, не Бурова, а суд.

Неужели за два года нельзя было прекратить эту безобразную волокиту? Неужели еще месяцы и годы суд будет заниматься кошками гражданки Буровой?..

Как часто некоторые наши судьи проявляют излишнюю мягкотелость. Этим пользуются сутяжники и таскают своих ближних от одной судебной инстанции к другой.

В Минске в одной квартире — комнаты рядом — проживают Андреев и Кохомская. Обе комнаты имеют одну печь. Топка находится в комнате Кохомской. Кохомская усиленно топит печь. Холодно ли, жарко ли, — она топит. Дров не жалует. Она поднимает нагрев печи до 30 градусов.

Комната Андреева таким образом стала самой тропической частью Советской Белоруссии.

Высокой температурой Кохомская хочет выжить из комнаты соседа. Тем более, что у Андреева больной ребенок. Болен он экземой. Жара губительно отражается на ребенке.

И вот уж два года, как дело о печке бродит по минским судам.

Один судья постановляет: «Предложить переделать печь».

Другой судья отменяет: «Оставить печь в прежнем виде».

Так продолжается два года. И до сих пор нет житья Андрееву и его ребенку.

А суд слушает и постановляет. Постановляет и отменяет. И опять слушает и постановляет.

И все остается на своих местах.

Бляхеры в Москве страдают из-за кошек.

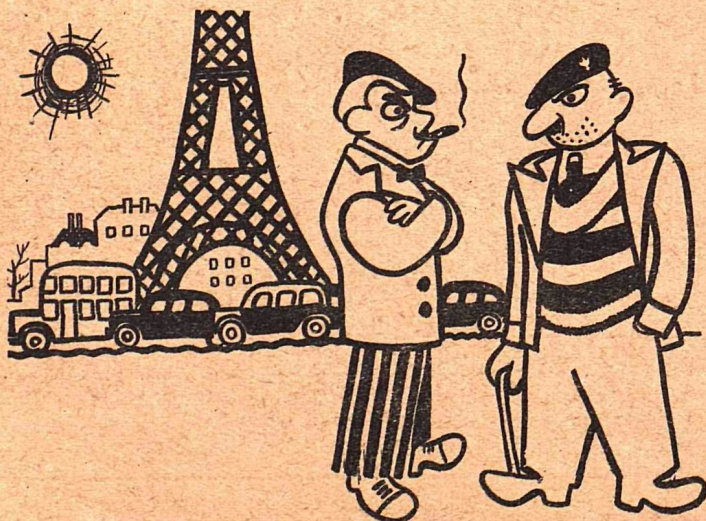
Андреев в Минске — из-за печки.

И оба вместе — из-за равнодушия и крючкотворства некоторых судей.

Г. РЫКЛИН

ФРАНЦУЗСКИЕ ФАШИСТЫ

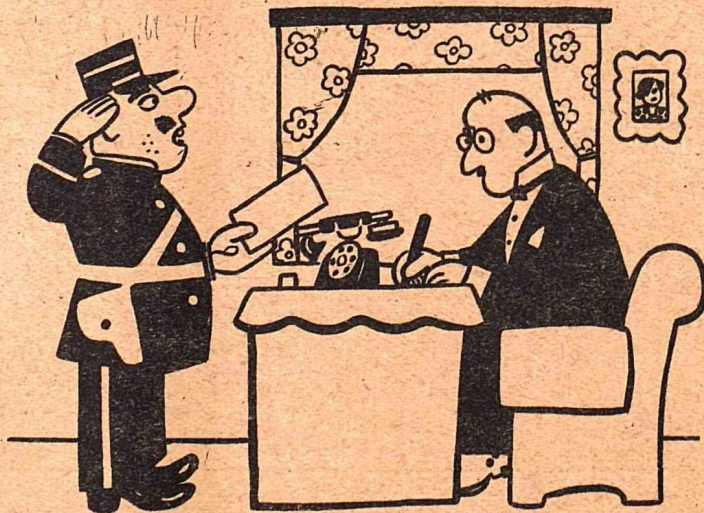
Рис. А. Люсьен

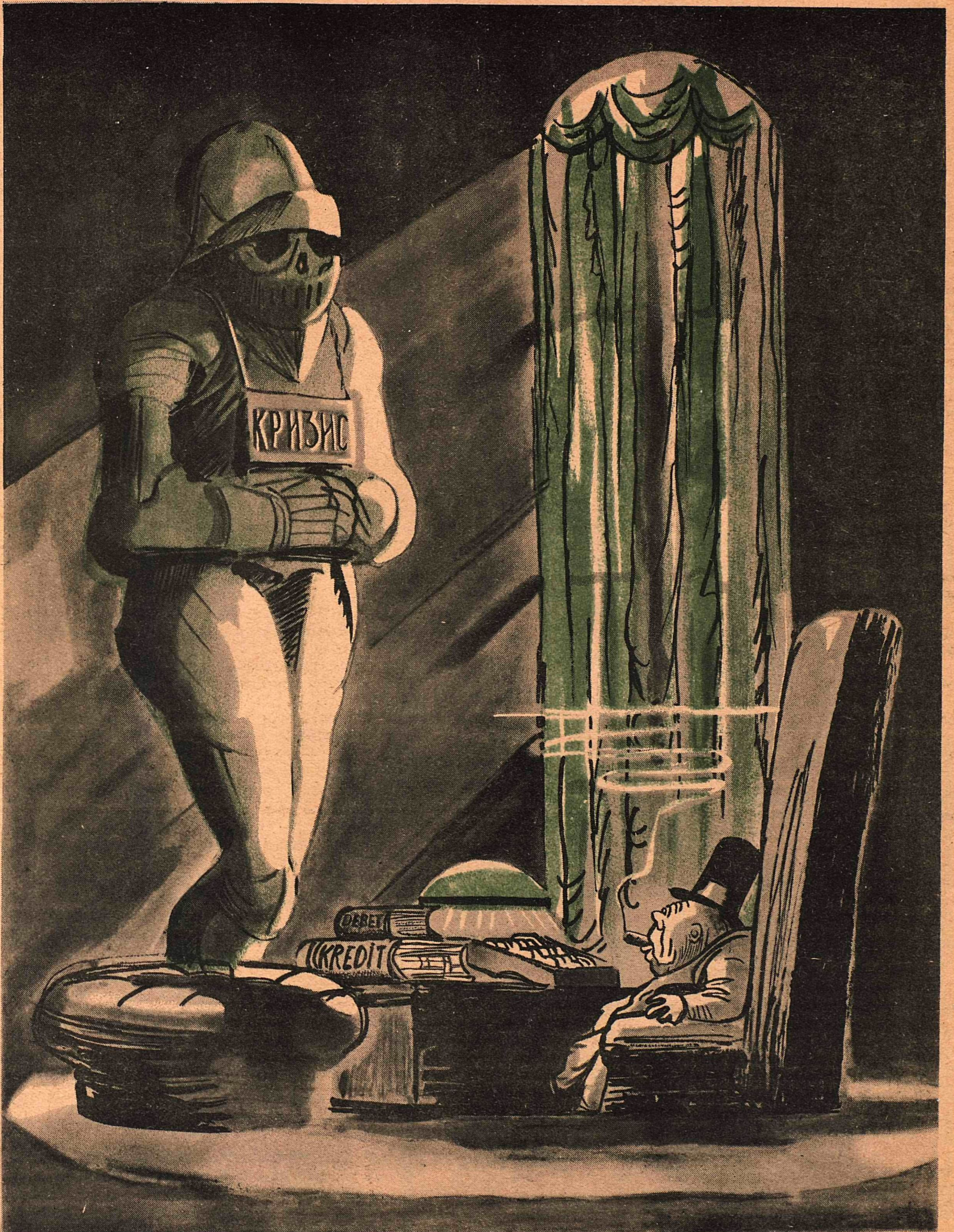
— Я получил из Берлина письмо. Там очень недовольны, что их лозунг „Франция — для французов“ мы не сумели осуществить.

ПОДСЛЕПОВАТАЯ ФРАНЦУЗСКАЯ ФЕМИДА

Рис. А. Люсьен

— Господин следователь, из подвала аптекаря мы вывезли грузовик винтовок, но улики никаких не обнаружили.

Каменный гость капитализма

ОБРАТНАЯ ПРОПОРЦИЯ

Рис. А. Каневского

На заводском собрании он говорил два часа о бдительности...

(См. рисунок направо)

Игрою судьбы к руководству взнесен,
Заслугами ближних прославился он:

Два пома его берегли от беды,
Два зама держали правленья бразды,

И двое дотошных секретарей
Бессменно дежурили у дверей.

Был первый пом вдохновенный поэт
По части планов, отчетов и смет,

Но в сфере технических диаграмм
Был признанным гением первый зам.

Второй и особо обласканный пом
Соприкасался с каждым станком,

А груда всех остающихся дел
Второму заму досталась в удел.

Так в обстановке, почти неземной,
Директор жил, как за прочной стеной,

Под мощной охраной секретарей,
Бессменно дежуривших у дверей.

И были как будто дела хороши,
Но плакал директор в полночной тиши,

Не спал по ночам и не ел ничего,
И черви сомнений точили его.

Когда он из треста читал циркуляр,
В мозгу ощущал тарахтенье и жар,

Как будто нашептывал кто-то ему,
Что выдвинут помов и замов возьмут...

Тогда призывал он секретарей,
Бессменно дежуривших у дверей:

— Бегите!— кричал он.— Проверьте,— кричал,—
Не сорван ли якорь? Не порван причал?

Где верные помы? Где замы мои?..—
И слез на ковер ниспадали ручьи.

Он прятал соратников близких своих
От милости треста, от взоров людских.

Вот так, в обстановке почти неземной,
Директор жил, как за прочной стеной.

Однажды, каким-то письмом поражен,
Не выдержав, грохнулся замертво он.

И шопотом вызвал секретарей,
Бессменно дежуривших у дверей...

— Увы!— прохрипел он.— Не верю глазам...
Что делать? Спасите! Я выдвинул... САМ...

Где верные помы, где замы мои?..—
И слез на ковер побежали ручьи...

Он вскоре уехал. Но, страхом томим,
Немедля молнировал замам своим,

Чтобы за ним поспешали скорей,
Взяв помов и стойких секретарей.

Один в кабинете. Кругом ни души...
Страдал он, стеноя в полночной тиши.

Не спад по ночам и не ел ничего,
И черви сомнений точили его.

Бумаги, бумаги, бумаги кругом —
Ему не помогут ни зам и ни пом.

И думать и делать он вынужден сам:
Ему не подскажут ни пом и ни зам.

Страшился он новых секретарей,
Бессменно дежуривших у дверей.

Вот тут-то удача его подвела,
Пока на заводе сдавали дела:

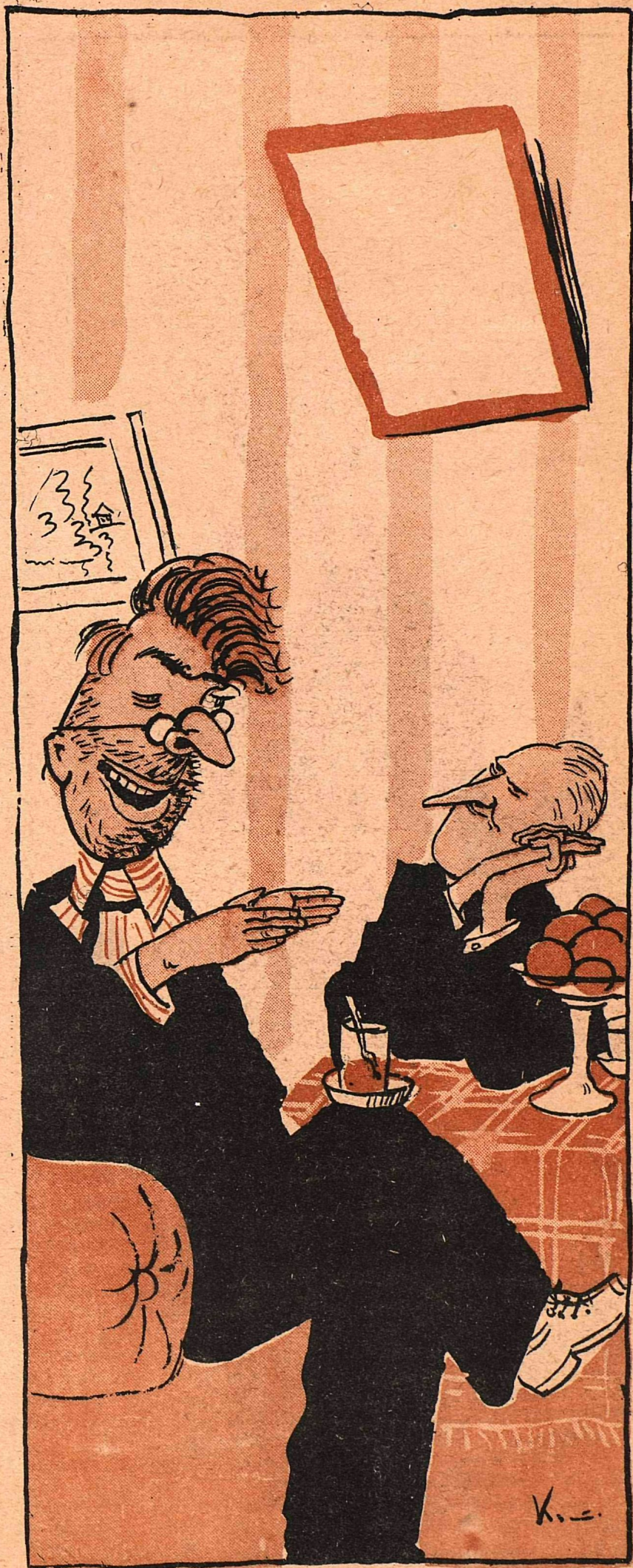
Один оказавшись на новом посту,
Он сразу свою проявил пустоту...

Игрою судьбы к руководству взнесен,
Заслугами ближних прославился он.

Но слава погасла — развязка проста,
Лишь замы остались на новых местах,

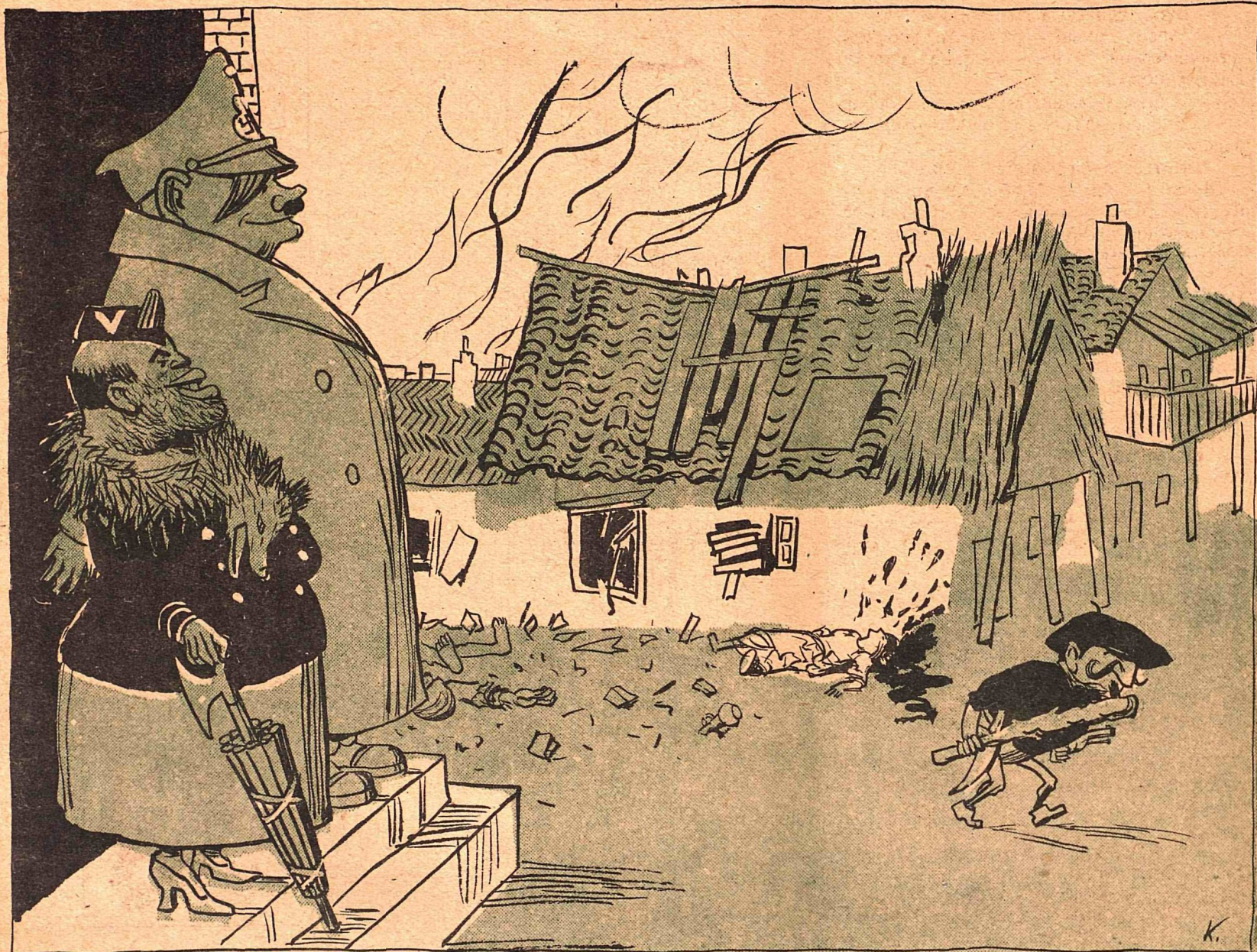
Лишь помы, которых он выдвинул в трест,
И сказки, что ходят об этом окрест.

А. РАСКИН, М. СЛОБОДСКОЙ

А дома он разболтал заводские секреты за
двадцать минут.

Рис. А. Каневского

ДУЧЕ (фюреру): — Наш румынский малыш весь в папу.

Мальчик на «молниях»

Семен Осипович Клашин, заместитель директора крупного треста, сидел у себя дома, в своем кабинете, и с брезгливо-кислым выражением на одутловатом, чисто выбритом лице слушал, что ему говорила его жена — Фрина Степановна.

— Ты обязательно должен сходить в школу, — внушала мужу Фрина Степановна и хмурила модные, в ниточку, брови. — Слышишь, Сеня? Пооди прямо к директору и скажи, чтобы к Бубе не смели придирается. Слышишь, Сеня?

— Никто к нему не придирается, Фриночка, — вяло сказал Семен Осипович.

— Как же не придираются, когда мне третье письмо присылают из школы: то «ваш сын грубит», то «ваш сын стучит», то пятое, то десятое.

— Может быть, Бубка, действительно... того?..

— Что «того»?..

— Грубит, стучит, пятое, десятое?

— Никогда не поверю! — с негодованием сказала Фрина Степановна. — Никогда не поверю, что наш Бубочка грубит, стучит и хулиганит. Это, наверное, другие мальчишки на него сваливают свою вину, а он, бедняжка, молчит и терпит.

— А я уверен, что Бубка хулиганит, — сказал Семен Осипович. — Абсолютно уверен. Ты его так разбаловала дома, что он и в школу перенес домашние привычки. Факт!

Фрина Степановна хотела возразить мужу, но тут кабинетная дверь с треском распахнулась и в комнату с криком вбежала домашняя работница Клашиных — Фелицата. Лицо у Фелицаты было красное, сердитое. На плечах и на волосах висела дымящаяся лапша.

— Что же это такое?! — панически кричала Фелицата. — Это же не ребенок, прости господи, а обезьян полоумный!

— Не кричите так, Фелицата, что случилось?

— Происшествие Буба исделал, вот что. У меня лапша варится. Я над кастрюлей, значит, наклонилась, а он из рогатки как стрельнет, прямо в кастрюлю. Чуть глаза мне не ошпарил, бесенок. Я, Фрина Степановна, честное слово, уйду от вас, если вы его не прекратите.

— Идите на кухню, Фелицата! — сухо заметила Фрина Степановна. — Я сделаю Бубочке внушение. Но вы, между прочим, тоже виноваты. Зачем вы пускаете его на кухню?

— Да разве от него спасешься?! Вы от него хоть на семь замков закройтесь, он все равно через щель, как змей, пролезет.

— Вот тебе плоды твоего воспитания, — желчно сказал Клашин, когда разгневанная Фелицата удалась. — Теперь уж для меня абсолютно ясно, что и в

школе Бубка тоже, так сказать, стреляет в лапшу.

Семен Осипович подошел к двери и громко позвал:

— Буба, иди сюда сию же минуту!

— Чичас, папа, — раздался звонкий мальчишеский голос. — Только Вальке Сокину позвоню.

— Потом позвонишь своему Вальке.

— Мне же задачу надо узнать, какую задали.

— Потом, тебе говорят, узнаешь.

Войдя в кабинет, Буба Клашин, одиннадцатилетний хорошенький мальчик с темными беспокойными глазами и кокетливо подстриженной челкой, хмуро сел на большое деревянное кресло с ручками в виде топоров и с независимым видом стал болтать ногами. Одет он был в заграничный замшевый костюмчик, снабженный чудовищным количеством застежек-«молний». Они были размещены без видимой необходимости на самых неожиданных участках бубкиного одеяния.

— Зачем ты стрелял в лапшу? Отвечай! — строго сказал Семен Осипович.

— Надо было презерить новую рогатку, — точно ответил Буба и звучно разодрал самую большую «молнию», от шеи до пупка.

— Ах! — вскрикнула Фрина Степановна.

Буба деревянно рассмеялся.

— Я ужасно пугаюсь, когда он расстегивает «молнию» на животе. Мне кажется, что он делает себе хира... кара... вот это... ну, знаешь, что япснцы любят...

— Харакири?

— Вот-вот! Бубочка, я же тебя просила не делать этого!..

Буба опять рассмеялся и с треском застегнул свой молниеносный костюм.

— Безобразие! — совсем рассердился Семен Осипович. — Чорт знает, до чего распустила мальчишку! Нацепила на него какие-то шутовские застежки, от которых сама же в обморок падает. Погляди-те на этого красавчика: разве это сын советского работника? Это какой-то дофин распущенный.

— Сам ты распущенный дофин! — сказал Буба, нежнокорно сверкнув черными глазами.

— Как ты смеешь так говорить отцу?! Пошел вон, негодный мальчишка! Тебе еще будет за лапшу.

— Вот что, Фрина, — сказал Семен Осипович, когда Буба, на ходу расстегивая и застегивая свои «молнии», с ревом убежал, — ты действительно вдрызг испортила Бубку. Мне некогда заниматься его воспитанием. А под твоим просвещенным руководством мальчик определенно растет хулиганом.

Клашин стал горячо доказывать жене свою мысль, как вдруг в кабинет опять вошла Фелицата и сообщила:

— Там учительница пришла. Из школы. На нашу прелесть жаловаться, поди, будет.

Клашины переглянулись. Но Семен Осипович быстро привел себя в психологический порядок.

— Так, — сказал он внушительно, — очень хорошо. Иди-ка к себе, Фриночка. И, пожалуйста, не волнуйся: все будет в порядке. Давайте сюда эту учительницу, Фелицата.

БАСНЯ КРЫЛОВА В РИМСКОЙ ПОСТАНОВКЕ

Рис. Л. Бродаты

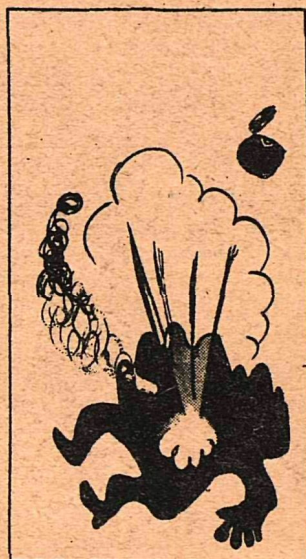
1. И ну топорщиться...

2. Пыхтеть...

3. И надуваться.

4.

А десять минут спустя Семен Осипович сидел за письменным столом и с тем же брезгливо-кислым выражением на лице говорил учительнице, пожилой высокой женщине с умным лицом, на котором выделялись полные, добрые губы:

— Простите, но дома мальчик ведет себя прекрасно. Как говорится, тише воды, ниже травы. Слова грубого от него не услышишь. Можете даже нашу домработницу спросить. Мне, простите, кажется, что в школе к нему придираются. Возможно, что другие мальчики сваливают на нашего Бубу свою вину. А он, бедняжка, терпит и молчит.

Учительница усмехнулась:

— Положим, Борис молчать не будет. Не из таковских. Он очень избалован неправильным домашним воспитанием.

— Не нахожу, — обиделся Клашин.

— Мы его выправим, но надо, чтобы вы, родители, нам помогали, а не мешали. Вот, например, костюм его. Зачем вы его одеваете в эти нелепые сто застежек? Он очень выделяется, а мальчишки смеются над ним. Нехорошо это!

— Прелестный заграничный костюмчик. Почему он вам так не нравится?

— Он же на уроках непрерывно расстегивается и застегивается, и это его отвлекает.

— Тут уж ничем, простите, не могу вам помочь, — выразительно пожал плечами Семен Осипович. — Не имею, так сказать, ни материальной, ни организационной возможности содержать при своем мальчике сторожа, который бы не позволял ему застегиваться и расстегиваться на уроках.

Прощаясь с учительницей в передней, Клашин спросил ее:

— Скажите, вы, я вижу, считаете нашего Бубу трудно воспитуемым ребенком?

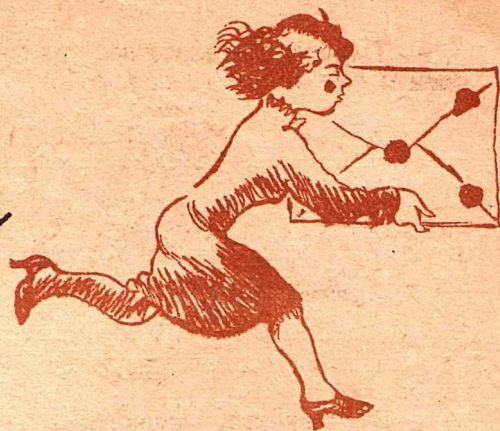
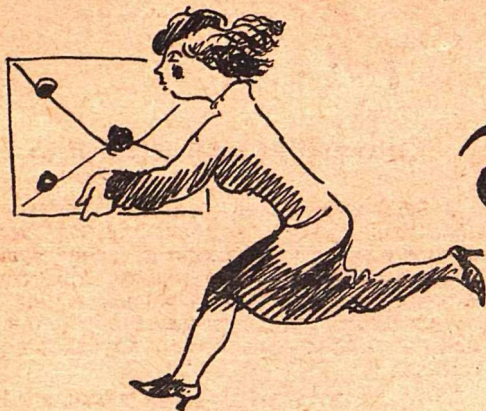
— Нет! — сказала учительница. — Он мальчик неплохой. И вообще трудно воспитуемых детей, мне думается, не бывает.

Она хорошо улыбнулась и прибавила:

— Родители бывают трудно воспитуемые — это да. До свиданья, Семен Осипович. Я еще зайду к вам поговорить, когда у вас будет больше времени.

ЛЕОНИД ЛЕНЧ

П а н ы д е р у т с я

Директор торгового объединения «Разнохарч» почти инкогнито стоял в одном из 150 вверенных ему магазинов: директор по дороге домой намерен был купить кое-какой закуски, заказанную им снедь собирали где-то в недрах магазина, а сам директор скромно стоял у винного отделения, вызывая легкую дрожь у продавцов.

— Пол-литра портера, сколько платить? — спросил одного из продавцов гражданин в короткой меховой куртке, только что вошедший в магазин.

Продавец, слегка косясь на директора, как скаковая лошадь косится на всадника, ответил преданным голосом:

— Портер имеется только в литровой посуде. Из полулитровых бутылок можем предложить наливки, спотыкач, ёрофеич, зубровку или же, наоборот, ленинградскую полостровскую ягодную воду.

Гражданин в меховой куртке, не дослушав, махнул рукою и пошел к двери.

Директор объединения «Разнохарч» с достоинством обернулся к продавцу и спросил:

— А почему у нас нет полулитровых бутылок портера?

Не успел продавец вымолвить «Не могу знать», как неизвестно откуда возникший заведующий магазином отрапортовал:

— Полулитровок не держим единственно по причине: нам не дают. Сколько раз просили — не дают!..

— Чей это портер? — вдумчиво осведомился директор.

— Объединения «Главпивпаф»: напитки, пиво, пастилы, фрукты...

— Да знаю я... Заказ мой готов?

— Давно в машине. Лично я сам снес...

Директор благожелательно кивнул головой, обменялся рукопожатием с заведующим, протянул даже руку поверх прилавка продавцу и отбыл...

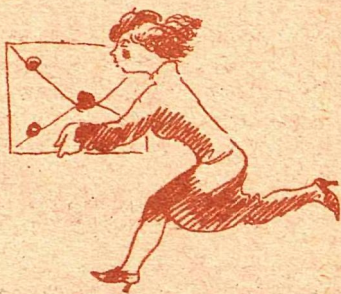

На другой день, выходя из своего кабинета, чтобы ехать на заседание в наркомат, директор сказал управляющему делами:

— Да! Чуть не забыл!.. Напишите в «Главпивпаф» бумагу, что мы просим в наши магазины отпускать портер не толь-

ко в литровой, но и в полулитровой посуде. Надо же охранять интересы потребителя... Понятно? А я завтра подпишу...

— Слушаюсь! — бойко ответил управделами и чиркнул карандашиком на продолговатом блокноте с пятью рядами листков.

Председатель объединения «Главпивпаф» зевая слушал доклад своей секретарши о поступившей почте.

— ...и потом вот еще одно отношение, — говорила секретарша. — Объединение «Разнохарч» просит, чтобы им в магазины отпускали портер и в полулитровках.

Председатель зевнул и оказал:

— Иван Ермолаевич, это — по твоей части... Почему это производственный отдел, понимаешь, брезгует полулитровками? Предпиши, понимаешь, нашему любимскому заводу выпускать полулитровки.

Иван Ермолаевич из производственного отдела, сидевший тут же, отрицательно покачал головой:

— Не выйдет!

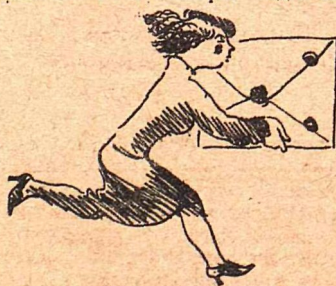
— Почему?

— Не выйдет. Нас, во-первых, посуда лимитирует: где мы их возьмем, эти полулитровки? И потом нас план лимитирует: если выпустить полулитровки, потребитель кинется на них. Который потребитель раньше выпил бы литр, купит пол-литра. Вот мы и плана не выполним. Вот мы и на бобах. Я говорю: нас план лимитирует...

— Все вас лимитируют, — ворчливо отозвался председатель, — а если разобраться, сами вы всех лимитируете...

Тут председатель еще раз зевнул с подвизгиванием и сказал секретарше:

— Напишите ответ в «Разнохарч», что, дескать, мы не можем давать им полулитровки... А я завтра подпишу...

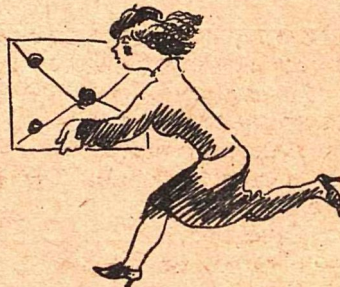
— Тут из «Главпивпафа» ответ есть, — сказал управделами директору «Разно-

харча», — насчет портера. Пишут, что они не могут давать полулитровок.

— Где, где? Покажите!..

Директор прочитал бумагу самолично. Уже с третьей строки он стал наливать кровью. Окончив чтение, директор сказал:

— Ах, не могут? Не хотят? Хорошо. Тогда мы вообще можем не брать ихнего портера. К чертовой матери! Раз они не желают идти навстречу потребителю, мы с ними иначе поговорим. Напишите им, что мы отказываемся от портера вообще. Ни в литровках, ни в полулитровках, ни в бочонках — ни в чем не будем брать...

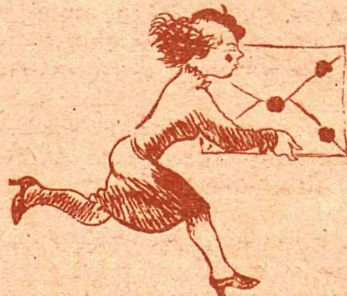
— ...Тут еще «Разнохарч» отказывается от нашего портера, — доложила секретарша председателю «Главпивпафа».

— Как, то есть, отказываются? — удивился директор. — Они же только что просили прибавить им портеру...

— А теперь вообще отказываются. Вот читайте.

Прочитав, председатель побледнел. А побледневши, рявкнул:

— Не больно нуждаемся. Раз так — напишите им, что мы вообще отказываемся от поставки напитков в ихние магазины. Ни портера, ни пива, ни наливок... Ничего! Дураков надо учить! Да, учить!

— Есть ответ от «Главпивпафа»? — спросил директор «Разнохарча».

— Есть... только...

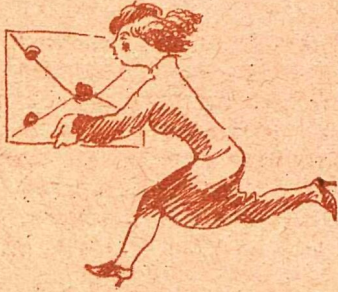
— Что — только?.. Дайте сюда бумагу... — и, прочитав, директор воскликнул: — Ах, так! Хорошо, мы им припомним. Что, мы поставляем им что-нибудь в фирменные магазины «Главпивпафа»?

— А как же! Они имеют нашей фасовки сладости, копчености, пряности...

— Так вот: напишите им, что больше ничего они от нас не получат!!

— Вы говорите, пряности? Копчености? Сладости? — кричал председатель «Главпивпафа». — Обойдемся без пряностей. Без копченостей. Но зато и им ни одного товара из нашего ассортимента. Понятно? Что бы ни спросили, — отказ, отказ, отказ!!!

Директор торгового объединения «Разнохарч» почти инкогнито стоял в одном из 150 вверенных ему магазинов: заказанную директором снедь собирали где-то в недрах магазина.

А продавцы бойким хором отвечали из-за прилавков:

- Пива нету!
- Портера не держим!
- Пастила — вся!
- Фруктами не торгуем...
- Варенья не бывает...

Заведующий магазином подошел к директору и, сокрушенно вздохнув, кивнул головой на продавцов:

— С тех пор, как рассорились мы с «Главпивпафом», только и приходится говорить: «Нет, не держим, не будет...»

— И очень хорошо, — отрезал директор. — Правильно! А вам, я вижу, не нравится? Вы, кажется, прежде работали в системе «Главпивпафа»? Да?

— Помилуйте, товарищ директор! — залепетал завмаг. — Я разве — что?.. Нам же легче. И потом, если хотите знать, к нам многие покупатели приходят и жалуются, что в ихних главпивпафовских магазинах никаких, то есть, наших товаров нету. Ведь это радость какая!

— А все-таки жалуются? — с удовольствием уже переспросил директор.

— Покупатели? Просто плачут. Рыдают.

— И прекрасно, — закончил директор, любезно подавая руку, — мы научим «Главпивпаф» уважать интересы потребителей...

В. АРДОВ

ОСОБЫЙ ОТДЕЛ

ПАТЕФОН ИЛИ ПРОРЫВ

Помните, как бабелевский Беия Крик писал письмо Тартаковскому: «Многоуважаемый Рувим Осипович! Будьте настолько любезны положить к субботе под бочку с дождевой водой... и т. д. В случае отказа, как Вы это себе в последнее время стали позволять, вас ждет большое разочарование в семейной жизни. С почтением знакомый вам Бенцион Крик».

С тех пор техника вымогательства недалеко ушла вперед. И вот наднях Коломенский граммофонный завод получил от своего поставщика письмо следующего содержания:

«Кураковский лесопильный завод просит Вас сообщить, нуждается ли Вы граммдощечкой? Если да, то одновременно вышлите нам два патефона для культослуживания нашего завода.

Директор (фамилия, к сожалению, неразборчива).

Обратите внимание, в этом письме ни слова не сказано, что в случае неспрыскилки патефонов граммофонный завод ждет большое разочарование в выполнении промфинплана. Но если учесть, что невыполнение Кураковским заводом своих обязательств сорвало выпуск патефонов в 1937 году, то совершенно ясно, что его письмо может привести в трепет самого закаленного хозяйственника.

ДИЧЬ ПОД КОПИРКУ

Заведующий группой дичи «Центромясоптицы» Савельев изобрел общедоступный способ руководства заготовительной сетью. Этот савельевский способ, который мы считали бы возможным назвать копировально-бюрократическим, задуман его автором с претензией на всесоюзную славу. Предоставим же ему эту славу хотя бы на страницах нашего журнала.

Недавно Савельев разослал по редакциям областных газет биющую статью, перестраивая многоточиями, на место которых редакции должны были проставить фамилии конкретных носителей зла. Произведение Савельева называлось: «..... Потребсоюз срывает заготовку экспортной дичи». Самым патетическим местом в нем был абзац: «Кто дал право т. срывать государственный план по дичи?».

Что касается Крокодила, то его интересует: кто дал право Савельеву плохое руководство заготовкой дичи заменять размножением политической дичи под копірку?

УВАЖИЛИ ПОЭТА

В обязательном постановлении Харьковского горсовета «О порядке уборки снега с улиц и площадей города Харькова», опубликованном 4 января с. г., мы читаем:

«Установить такие места для свалки снега и льда:

Для грязного снега и льда
Пушкинская свалка — за кирпичным заводом».

Что ж, каждый чтит память великого русского поэта по мере своих способностей и разумения. О мере способности и разумения «отцов города», назвавших именем Пушкина свалку, даже говорить противно. А вот о том, стоит ли сохранять за свалкой это название да еще оперировать им в своих постановлениях, руководителям харьковского горсовета стоило бы призадуматься.

ЮРИДИЧЕСКАЯ НОВЕЛЛА

В бюрократической практике некоторых областных судов уже были случаи, когда мужчину одним маковым канцелярской руки превращали в женщину. Но чтобы мужчину превратили в женщину и еще заботились при этом о выплате ему (ей) алиментов, об этом мы что-то до сих пор не слыхали.

Но вот в последних числах декабря в Новочеркасске, на улице Просвещения, д. № 100, кв. 3, прибыла из Ростовского областного суда следующая бумага:

«Гр. Мелентьевой.

Гражданская коллегия Ростовского облсуда просит сообщить, получаете ли вы алименты, присужденные Вам нарсудом г. Миллерова с Солонского. Председатель Гражданской коллегии
Порецкий».

Мы уже почти было собрались растрогаться по поводу глубоко человеческого внимания тов. Порецкого к судьбе гражданки Мелентьевой, когда вдруг узнали, что Мелентьева в самом деле является Мелентьевым. А тов. Мелентьев никаких алиментов ни от кого получать никогда не собирался, но имел наивность послать в июне прошлого года письмо в Ростовский областной суд. В этом письме он просил областной суд помочь ему реализовать решение Миллеровского горсуда о взыскании с некоего Солонского стоимости украденного им у тов. Мелентьева велосипеда.

Таким образом, если обычные алименты являются результатом печальной неналаженности семейной жизни, то алименты за велосипед являются результатом не менее печальной неналаженности работы гражданской коллегии Ростовского областного суда.

ДЕНЬГИ ОБРАТНО

Единственным трогательным обстоятельством в истории покупки механиком автобазы треста Товарковуголь И. Д. Глушенковым пятидесяти электрических лампочек общей стоимостью в 25 р. 89 к. было то, что его жизнь была специально по этому случаю застрахована. Что же касается вообще расходов, связанных с этой покупкой, то о них, собственно, и говорить нечего. Так, мелочь! Даже не хочется прибегать к художественному слову:

1. Командировочные за пять суток . $5 \times 24 = 120$ р. 44 к.
 2. Квартирные $3 \times 16.80 = 50$ р. 40 к.
 3. Переговоры по телефону 2 р. 00 к.
 4. Билеты для проезда в Москву и обратно . . 33 р. 90 к.
 5. Удержано на страховые жизни 3 р. 50 к.
- Итого . 202 р. 80 к.

Если учесть, что нужно же было Глушенкову проветриться и съездить в Москву, то это не так уж много. А если покупать их через постоянного агента в Москве, то не было бы и командировки. Отрадно отметить, что начальник автобазы Чибисов не только утвердил отчет Глушенкова, но и крепко ударил по рукам главного бухгалтера тов. Прихожего, возражавшего против этого утверждения. А государственные деньги что? Государственные деньги всегда можно вернуть. Хотя бы путем вычета из заработной платы.

ПРИЗНАННЫЙ АВТОРИТЕТ

Рис. Л. Сойфертиса

— „Норд“ — хорошие папиросы, гражданин! Спросите этого ребенка: он их третий год курит.

КОРОТКИЕ РАССКАЗЫ

СТРАДАНИЕ

В театре шла «Гроза». Одна из молодых зрительниц не выдержала и, комкая сумочку, сказала:

— Боже мой! Как страдает эта Катерина!

— Подумаешь, страдание! — отозвался рядом человек неопределенных лет. — Вот Агафангел страдает, так страдает.

— Какой Агафангел?

— Я Агафангел. Театральный рецензент. Сажу и страдаю. Нето хвалить спектакль, нето ругать его? И насколько

ко ругать? Вдрёзбзги или нет? Это такие муки творчества, что и Достоевский не испытывал. А то Катерина...

МЕРИЛО

— Поздравьте! — сказал композитор, держа под мышкой серый квадратный конверт. — Сейчас патефонную пластинку со своей музыкой втридорога купил у спекулянта.

— Ну, что ж здесь хорошего? — возразил знакомый композитора, посматри-

вая на его горевшие радостью глаза. — Поощряете спекулянтов. Позор!

— Так-то так, дорогой мой. Но это ж слава! Раз у спекулянта, да втридорога. Не хотел бы я, чтоб пластинки с моей музыкой каждый мог купить в магазине. Вот это уж позор!

— Покажите-ка!

— Вот-с! Видите моя музыка.

— Здесь ваша, — заметил знакомый, — а вот на обороте Чайковский. Может, это из-за Чайковского.

Композитор перевернул пластинку, тревожно забормотал:

— Ах, чорт!.. Может, действительно из-за Петра Ильича... Ах, ты чорт, надо было его спросить!..

ДЕТАЛИ

Представители колхозников ходили по огромному учреждению и никак не могли добиться толку.

— Да что вам надо?

— За деталями мы приехали. Сев ведь скоро.

— Ах, детали! За деталями в пятый этаж.

А в пятом этаже отвечали:

— За деталями? Спуститесь в подвал к кладовщику, узнайте у него насчет деталей.

Вечером представители не выдержали и пошли в редакцию газеты.

— В учреждении сидят бюрократы, волокитчики.

— А детали? — спросил редактор.

— Детали? Дак вот насчет деталей мы и пришли толковать.

И рассказали о сегодняшнем потерянном дне.

ПОДГОТОВКА

Он расхаживал дома по комнате и бормотал:

— Мы ошиблись. Мы промахнулись. Мы проштрафились.

Строго смотрел на своих семейных и добавлял:

— Ну, давайте, давайте же еще этих синонимов! Отец завтра выступает с таким ответственным докладом, а вы даже помочь не хотите. Холодный эгоизм!

Жена сказала:

— Мы осрамились.

— Мы осрамились? Это ничего, Катя... Но дальше, дальше. Петя, Паша!.. Плачу по двадцать копеек за каждый подходящий синоним.

— Мы бултыхнулись, — сказал Петя.

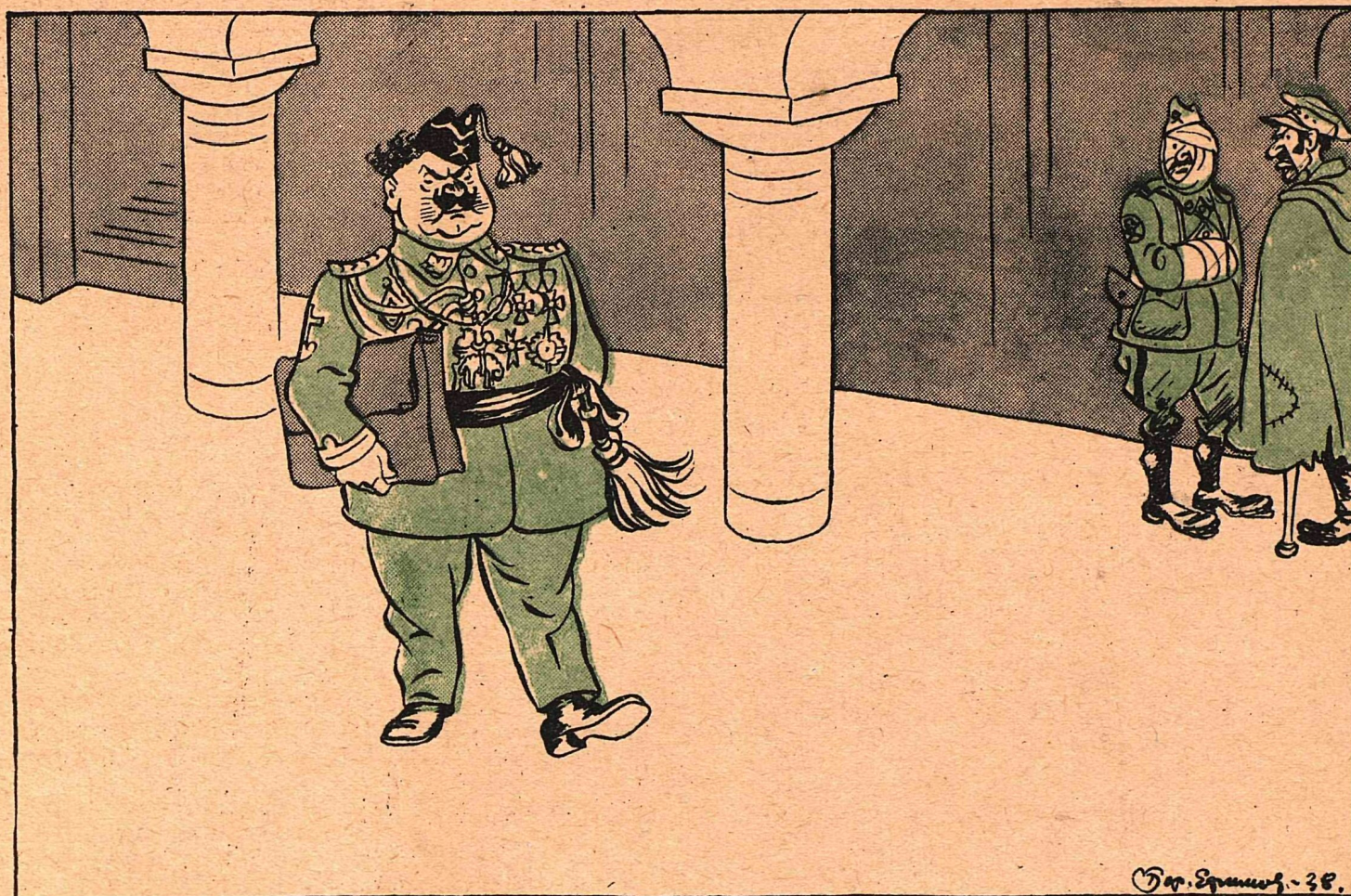
— Глупо! Глупо! — закричал отец. — Вовремя не готов баланс, и вдруг «мы бултыхнулись». Думай, прежде чем говорить.

— Мы проморгнули, папа, — сказал Паша.

— Хорошо, — отец бронзой отсчитал двадцать копеек. — Получай... Дорогие товарищи! Мы проморгнули!.. Мы проморгнули многое!.. Мы ошиблись... Мы промахнулись... Еще, еще давайте. Чтоб всему собранию было ясно, что я себя анафеме предаю!..

В. ТОБОЛЯКОВ

Рис. Бор. Ефимова

- Вот единственный генерал нашей армии, не знающий ни поражений, ни отступлений.
- Как???
- Это составитель официальных сводок главного штаба Франко.

Дорогой Крокодил!

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Товарищ Крокодил!

Ты и не заметил, как прошел мимо одного юбилея, который как-никак достоин твоего особого внимания.

Три года тому назад Наркомздрав Украины уступил временно управлению Донецкой дороги новое больничное здание в больничном дворе в г. Артемовске.

Управление дороги устроило в этом здании нечто вроде общежития или гостиницы.

Наша больница испытывает острую нужду в дополнительной площади. А тут же рядом специально построенное для больницы здание используется не по назначению.

Куда мы только ни обраща-

лись—и все без толку. В дело вмешался даже арбитраж Украинны. Взывали мы и к наркомату путей сообщения.

И вот уже три года, как управление дороги временно занимает наше здание.

Как ты думаешь, дорогой Крокодил, не настало ли уже время закончить эту «временную» возмутительную кани-

Депутат Верховного
Совета Союза ССР
доктор А. Л. КИТАЕВ

Дорогой Крокодил!

У нас на станции Дурово,
Западных ж. д., баня топится

только один раз в 3—4 недели. Когда мы спрашиваем начальника станции Баранова, в чем дело, он объясняет, что никак не может достать банщиков и тазов для мытья. А по-моему единственно, чего не хватает Баранову,—это внимания к нуждам рабочих и служащих и чувства ответственности за порученное ему дело. Мне кажется, дорогой Крокодил, что если ты устроишь Баранову небольшую баню на твоих страницах, у нас на станции моментально появятся и банщик, и тазы, и прочие вышеупомянутые дефицитные вещи.

Т. ПУТЯКОВ

ст. Дурово

Дорогой Крокодил!

Попроси, пожалуйста, товарищей из комбината Абрау-Дюрсо не быть столь суровыми к потребителю. Выработанные ими правила хранения советского шампанского граничат с пыткой. В самом деле, на каждой этикетке категорически предписывается «хранить лежа в прохладном месте». Представьте себе вечер, посвященный какому-либо высокому торжественному случаю. Гости уже собрались, но хозяин, увы, где-то пропадает. И что же оказывается: он лежит в прохладном месте, храня у себя на груди бутылку Абрау-Дюрсо.

М. НИКОЛАЕВА

Редколлегия: МИХ. КОЛЬЦОВ, Л. ЛАГИН, Л. РОВИНСКИЙ

Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. „Правды“, 24; тел. Д 3-32-50; Д 3-33-47. Прием ежедн. с 1 до 6 час. Подписная цена на журнал 1 р. 80 к. в месяц
Изд-во ЦК ВКП(б) „Правда“

Рукописи не возвращаются

М694

РАЗМЫШЛЕНИЯ ОТСТАЮЩЕГО

Получен в день	3/II	5/II	лет
Сдан в архив	23/II		
	5/II 38		

50

Рис. М. Черемных

ИЗДАТ. АКАДЕМИИ
2 - Фев 1938
Палат. Журнал

— Во всех газетах пишут о севе. Не понимаю, кто же в такой мороз сеет?!